1.4. Региональные рынки труда

Состояние региональных рынков труда тесно связано с макроэкономическими тенденциями, но эта связь проявляется в регионах по-разному. Спрос на рабочую силу зависит от структуры экономики и уровня развития территории, предложение — от динамики численности и половозрастного состава населения, его уровня образования. Поведение на рынке труда обусловлено и социокультурными особенностями населения. В этом разделе показано региональное разнообразие в уровне экономической активности, занятости и ее структуре, условиях труда, гендерных и возрастных различиях работающего населения. Рассмотрена и динамика безработицы в регионах, которая далеко не всегда позитивна даже в период экономического роста.

Экономическая активность и занятость

В 1990-е годы региональная динамика экономической активности и занятости определялась макроэкономическими факторами и поэтому была общей для всех субъектов РФ: вслед за длительным и значительным сокращением в 1992–1998 гг. начался постдефолтный рост занятости, связанный с экономическим подъемом. Но уже в 2001 г. этот рост перестал быть общим и сменился новым спадом в 63 регионах. Несмотря на продолжение роста экономики, этап «восстановительного» роста экономической активности и занятости после финансового кризиса 1998 г. в основном завершился. В 2001 г. только две группы регионов смогли сохранить позитивную динамику экономической активности и занятости. Первая представлена экономическими лидерами, среди которых федеральные города, нефтегазодобывающие автономные округа и часть ресурсно-экспортных регионов, а также Ленинградская область с быстро растущей экономикой. Вторая включает большинство наименее развитых республик, где рост активности и занятости продолжался благодаря увеличению федеральной помощи и росту числа рабочих мест в бюджетной сфере.

В последующие годы экономическая активность и занятость в регионах увеличивались незначительно и с затухающим эффектом. В 2002 г. уровень экономической активности вырос с 64,2 до 65,2%, улучшились показатели почти 2/3 регионов страны. При этом географическая картина стала еще более мозаичной: в подавляющем большинстве слаборазвитых республик и аграрных регионов юга рост экономической активности продолжался, в остальных регионах тенденции были разными. Особенностью 2003 г. стало замедление роста экономической активности (с 65,2 до 65,5%) и сдвиг в сторону населения старше трудоспособного возраста, а в трудоспособных возрастах региональная ситуация почти не изменилась.

Несмотря на разнонаправленную динамику, региональные различия в *экономической активности* во многом остались прежними. Они сохранились с советских времен, так как обусловлены генетическими факторами: возрастной структурой, уровнем урбанизации и социокультурными особенностями населения. Хотя более половины субъектов РФ имеют показатели, близкие к средним по стране (65% населения в возрасте 15–72 года), сохранились две «полярные» группы:

— с высокой экономической активностью — северные и северо-восточные регионы нового освоения, а также агломерации федеральных городов (67–79%);

— с пониженной экономической активностью — более аграрные и слаборазвитые регионы Южного федерального округа и юга Сибири, некоторые области Черноземной зоны (55–62%).

Различия в уровне *занятости* сильнее зависят от состояния экономики того или иного субъекта РФ, поэтому региональные диспропорции выражены более резко, особенно в слаборазвитых республиках. Общероссийский показатель занятости в последние годы близок к 60% населения в возрасте 15–72 лет, при этом в республике Ингушетия занято около четверти населения этого возраста, еще хуже положение в Чечне. Повышенной долей занятых отличаются субъекты, лидирующие по уровню экономической активности, но не все из них. Группа северных и восточных регионов сжимается, в ней остаются только более развитые ресурсодобывающие с лучшим положением на рынке труда (занятость 65–72%). Крупнейшие агломерации выглядят лучше по сравнению со средними показателями, поскольку в Москве и Санкт-Петебурге работает почти все экономически активное население. Показатели большинства регионов незначительно отличаются от средних по стране.

Территориальные различия во многом «запрограммированы», они зависят от унаследованных особенностей региона: демографических, социокультурных, расселенческих, сложившейся структуры экономики. Рыночные реформы переходного периода усилили преимущества и усугубили дефекты, тем самым увеличив неравенство условий на региональных рынках труда.

Структурные изменения занятости

Самое кардинальное структурное изменение — в *занятости по формам собственности*: за переходный период российский рынок труда стал совершенно иным. Половина занятых работают на частных предприятиях и организациях, доля занятых на предприятиях и организациях государственной и муниципальной собственности заметно ниже (36%), смешанной собственности — только 9%. Несмотря на значительные региональные различия, частный сектор доминирует почти во всех субъектах РФ. Государство остается основным работодателем лишь в некоторых регионах Крайнего Севера — республике Якутия, Чукотском и Эвенкийском АО (47–52%), в них на частный сектор приходится лишь 20–30% рабочих мест. В республике Тыва

занятость примерно поровну распределена между тремя секторами: государством, муниципалитетами и частным сектором. В целом на севере и востоке страны государство и муниципалитеты — более значимый работодатель, это связано с фактором расселения. Разреженная сеть поселений вынуждает сохранять автономную социальную инфраструктуру в большинстве населенных пунктов, поэтому «бюджетная» занятость высока. Кроме того, существуют и субъективные причины более значительного присутствия государства на рынке труда, например, в Татарстане и Башкортостане. Из-за высокой доли государственной и смешанной собственности в этих республиках только 36–38% занятых работают в частном секторе. Структурные особенности зависят от многих факторов, включая политику местных властей, и прямой связи между уровнем экономического развития региона и структурой занятости по формам собственности не существует: максимальную долю занятых в частном секторе имеют и сильные регионы, например, нефтегазодобывающий Ханты-Мансийском АО (60%) и Белгородская область (61%), и менее развитый Ставропольский край (59%), а среди регионов с «огосударствленной» структурой занятости есть и более развитые республики (Татарстан, Башкортостан, Якутия), и слаборазвитые северо-восточные автономные округа.

Трансформация *отраслевой структуры занятости* на региональном уровне во многом повторяла общие для страны тенденции. В переходный период во всех регионах произошло существенное сокращение занятости в промышленности, особенно в первой половине 1990-х годов (на треть с 1990 по 1996 гг.), и этот процесс еще не завершен. В последующие годы динамика занятости в промышленности подтверждала сдвиг индустриальной оси России из Центра на восток. Если в целом по стране численность занятых в промышленности в 2003 г. составляла только 84% от уровня 1995 г., то в Уральском федеральном округе (включающем Тюменскую область) — 98%, Приволжском — 88%. Наиболее быстро сокращалась промышленная занятость в федеральных городах (в Москве осталось только 70% занятых, в Санкт-Петербурге — 79%), а также в областях Центрального округа (79%) и в аграрном Южном федеральном округе (84%). Изменения занятости совпадают с тенденцией концентрации промышленности страны в экспортно-ресурсных регионах Урала, Поволжья и Сибири. Одновременно продолжается процесс деиндустриализации структуры занятости юга и ускоренной постиндустриальной трансформации в федеральных городах.

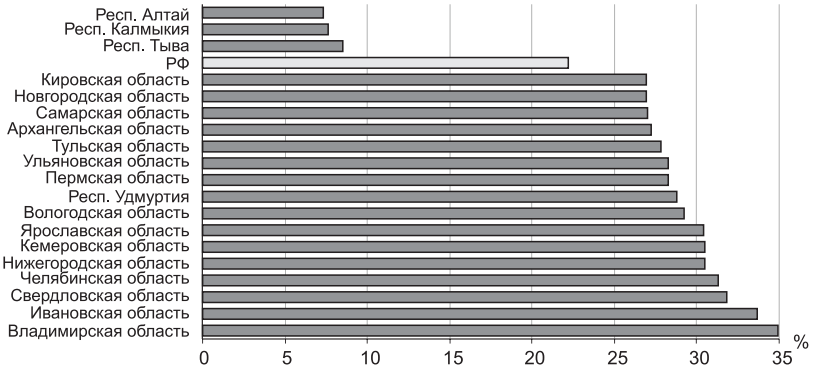

Рис. 1.4.1. Доля занятых в промышленности от всех занятых в экономике в 2003 г.

Существенное сокращение численности занятых в промышленности в переходный период не изменило географические максимумы и минимумы индустриальной занятости. Самую высокую долю занятых сохраняют старопромышленные регионы Центра, Урала и Поволжья с специализацией на машиностроении и других трудоемких отраслях (рис. 1.4.1). В ведущих экспортных регионах страны индустриальная занятость близка к среднероссийской, поскольку ресурсодобывающие отрасли, за исключением угольной промышленности, не трудоемки. В южных аграрных регионах доля занятых в промышленности — 12–18%, а в наименее развитых республиках — ниже 10%.

В отличие от промышленности, занятость в сельском хозяйстве в целом по стране росла до середины 1990-х годов (с 13% до 15% занятых в экономике), несмотря на почти двукратный спад сельскохозяйственного производства. Вынужденная политика сохранения занятости была обусловлена низкой мобильностью сельского населения и отсутствием альтернативных мест работы в сельской местности. Сыграл свою роль и приток более чем 1 млн. мигрантов из стран СНГ в сельскую местность России, в основном в южные регионы. Для поддержания социальной стабильности руководители сельхозпредприятий сохраняли рабочие места, выплачивая работникам минимальную заработную плату. В результате в 1990-е годы аграрная перенаселенность российского села стала повсеместной, хотя в советское время избыточная аграрная занятость была характерна только для республик с высокой рождаемостью и значительным приростом трудовых ресурсов. Только с конца 1990-х гг. структурный перекос начал уменьшаться, доля занятых в сельском хозяйстве страны к 2001 г. снизилась до 12,3%, а в 2003 г. — до 11%.

На региональном уровне новая тенденция сокращения занятости в аграрном секторе проявилась в разное время и с разной силой. В Южном и Центральном федеральных округах численность занятых росла до конца 1990-х годов (за 1995–2000 гг. на 7–8%), причем в Центре основной прирост пришелся на более южные черноземные области. Сокращение аграрной занятости в этих округах началось только с 2000-х годов и шло быстрее в Центре. В маргинальных для сельского хозяйства территориях сокращение началось значительно раньше и было максимальным: в 2002 г. на Дальнем Востоке в сельском хозяйстве осталось 73%, а в Северо-Западном федеральном округе — 88% занятых по сравнению с 1995 г. В результате усилилась концентрация сельскохозяйственного производства и занятых в нем в наиболее благоприятной природно-климатической зоне, что способствовало росту эффективности аграрного сектора. Но при этом сохраняется проблема

избыточной занятости и низкой производительности труда в основных сельскохозяйственных регионах юга страны. Доля занятых в сельском хозяйстве остается очень высокой в Краснодарском, Ставропольском и Алтайском краях — 22–23% занятого населения, в Кабардино-Балкарии и Калмыкии — 26–28%, в Дагестане — 34%.

Изменения структуры занятости в секторе услуг произошли уже в первой половине 1990-х годов, и они были наиболее радикальными. В период кризиса роль услуг в структуре занятости возросла во всех экономических районах, наиболее существенно увеличилась доля занятых в торговле, аккумулировавшей высвобождаемых работников из промышленности (табл. 1.4.1). Максимальным ростом торговой занятости в этот период выделялись крупнейшие столичные агломерации и пограничные регионы с растущим «челночным» бизнесом (юг Дальнего Востока, Калининградская область, Северный Кавказ). В Москве и Московской области доля занятых в торговле выросла с 7–9% до 15%, в Санкт-Петербурге и Ленинградской области — с 8% до 15–16%. Благодаря федеральным городам произошел опережающий рост доли занятых в торговле в Центре и на Северо-Западе. Кроме того, в Москве одним из важнейших видов стала занятость в финансовых, банковских услугах, страховании и управлении (рост с 10% до 17% занятых). По сравнению с Санкт-Петербургом Москва и раньше была городом с более выраженной сервисной структурой занятости, а в переходный период уровень ее «терциализации» стал близким к развитым странам.

Процесс сокращения доли занятых в образовании, культуре и науке затронул в 1991–1997 гг. только федеральные города с максимальной занятостью в науке, особенно Москву. Во всех остальных регионах доля занятых в бюджетных отраслях (образовании, культуре и здравоохранении) росла. Эти отрасли, несмотря на крайне низкую заработную плату, стали «убежищем» и для мигрантов из стран СНГ, и для местного населения в условиях ухудшения ситуации на рынке труда. Самым значительным структурным ростом занятости в отраслях социальной сферы отличались районы наибольшего притока мигрантов (Северный Кавказ и Центральное Черноземье) и наиболее проблемный Дальний Восток.

Таблица 1.4.1. Изменения структуры занятых в отраслях услуг за 1990–1997 гг.

Районы	Доля занятых в услугах, %		в том числе:									
			транспорт и связь		торговля и общественное питание		жилищно-коммунальное хозяйство и бытовое обслуживание		здравоохранение и социальное обеспечение		образование, культура, искусство, наука	
	1990	1997	1990	1997	1990	1997	1990	1997	1990	1997	1990	**1997**
РФ	44,5	54,6	7,7	7,9	7,8	13,5	4,3	5,2	5,6	6,8	13,3	13,3
Северный	47,4	55,5	0,3	7,4	8,8	12,2	5,1	6,4	5,8	7,9	11,4	13,2
Северо- Западный	50,0	63,3	8,0	10,4	8,0	15,5	5,5	6,5	5,9	6,9	17,4	15,6
в т.ч. Санкт-Петербург	55,3	67,5	8,8	11,2	8,1	16,0	5,9	6,4	6,1	6,9	21,3	17,6
Центральный	49,4	64,0	6,8	10,0	7,9	14,7	4,4	5,5	5,8	6,8	17,9	16,0
в т.ч. Москва	65,3	77,0	7,8	14,4	9,4	15,2	4,4	4,2	6,3	5,9	27,4	20,3
Центрально-Черноземный	39,9	51,6	7,3	8,3	7,8	13,1	3,5	4,3	5,3	7,1	11,1	12,1
Поволжский	41,3	52,5	7,6	88,8	7,2	12,5	4,2	4,9	5,3	7,0	11,8	12,5
Северо- Кавказский	43,1	54,6	7,2	8,2	7,9	14,4	4,2	4,8	6,6	7,7	11,8	12,5
Уральский	41,1	52,4	7,0	7,9	7,5	13,1	4,0	5,0	5,6	7,0	12,0	13,0
Западно- Сибирский	45,5	56,6	9,2	11,3	8,2	13,0	4,2	5,7	5,3	6,7	12,3	12,6
Восточно-Сибирский	47,4	55,8	9,5	8,1	8,3	13,9	4,5	5,5	5,7	7,0	12,8	13,4
Дальневосточный	52,1	61,5	11,7	7,9	9,5	17,1	5,1	6,4	6,0	7,2	11,7	13,3

В период экономического роста в основном сохранились сложившиеся тенденции, хотя и с изменением скорости трансформаций по регионам. Данные о динамике численности занятых в секторе услуг в годы экономического роста (1998–2002 гг.) показывают, что Москва остается лидером, особенно на фоне второй столицы. Среди федеральных округов быстрее всего растет занятость в услугах в Приволжском, Центральном (без Москвы) и Южном, т.е. в наиболее освоенной и плотно заселенной Европейской части страны (рис. 1.4.2). На динамику занятости влияет и общая динамика численности населения, поэтому восточные районы отстают. Однако для Уральского округа слабый рост занятости в секторе услуг обусловлен другой причиной — сохранением повышенной индустриальной занятости, так как в состав округа входят крупнейшие ресурсно-экспортные регионы, в том числе автономные округа Тюменской области.

По видам услуг максимальный рост занятости все еще характерен для торговли, но далеко не везде она остается аккумулятором избыточной рабочей силы. В Москве значительный рост численности занятых в торговле и общественном питании (в полтора раза за 1998–2002 гг., хотя точность учета относительна) стал следствием ускоренного роста торговых сетей и индивидуального предпринимательства, этот «рывок» обусловлен усилившейся концентрацией финансовых ресурсов в столице и ростом доходов населения. В Санкт-Петербурге, с его менее развитым торговым сектором, рост занятости был ниже среднероссийского (107%), вторая столица все больше отставала от Москвы по сервисным, особенно торговым, функциям. Дан-

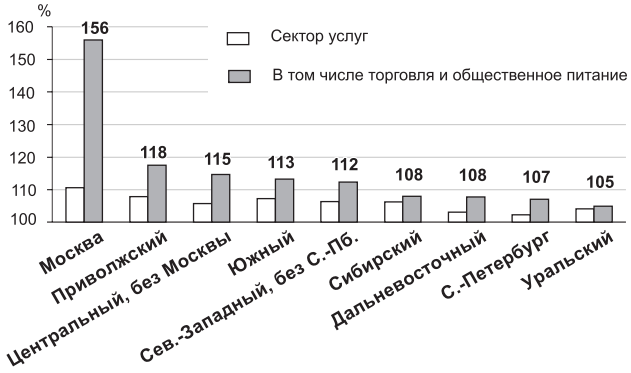

Рис. 1.4.2. Динамика численности занятых в секторе услуг за 1998–2002 гг.

ные за 2003 г. показывают, что отставание усугубилось, несмотря на мощные финансовые вливания из федерального бюджета на развитие сектора услуг к 300-летию города. Среди федеральных округов медленнее всего торговая занятость, как и весь сектор услуг, росла в Уральском округе. Помимо Москвы, лидируют те федеральные округа, в которых торговля развивается и под воздействием растущего спроса, и по-прежнему как аккумулятор избыточной рабочей силы, поскольку другие отрасли сектора услуг пока развиты слабо. Это исключительно округа Европейской части страны — Приволжский, Южный, Центр и Северо-Запад без федеральных городов (112–118%).

Во всех федеральных округах в первые годы экономического роста стабилизировалась занятость в здравоохранении и социальном обеспечении, а в сфере образования началось снижение численности занятых. Бюджетные отрасли выполнили функцию аккумуляции высвобождаемых работников из других отраслей хозяйства в кризисный период, а в период экономического роста оказались не столь привлекательными, особенно образование. Однако с 2002 г. вновь начался рост занятости в отраслях бюджетной сферы из-за повышения заработков, а также новой волны сокращения занятости в промышленности. В результате во всех федеральных округах увеличилась численность занятых в культуре (на 5–10% за 1998–2002 гг.), а на Урале и востоке страны выросла численность занятых в здравоохранении и социальном обеспечении (на 5–8%).

Обвальное сокращение занятости в науке распространилось на всю страну уже в середине 1990-х годов, за 1995–1999 гг. численность занятых сократилась на треть. В период экономического роста в большинстве округов занятость в науке стабилизировалась, однако Москва за 1998–2002 гг. потеряла еще почти четверть занятых, а Санкт-Петербург — 10%. В федеральных городах с развитым рынком труда эта отрасль непривлекательна для молодежи, так как заработки в науке одни из самых низких на фоне других отраслей, поэтому структура занятых все более смещается в сторону старших возрастов, постепенно выходящих на пенсию. Численность занятых в жилищно-коммунальном хозяйстве и бытовом обслуживании выросла только в столице (на 2%) благодаря более высокой оплате труда, во всех остальных округах и Санкт-Петербурге занятость в ЖКХ сокращалась.

Путь в постиндустриальную экономику прокладывают крупнейшие агломерации, поэтому интересно сопоставить трансформации рынка труда российских федеральных городов. Сравнение отраслевой структуры занятых и ее динамики за годы экономического роста показывает, что Москва не только первой достигла максимальной занятости в секторе услуг, но уже завершает переход к постиндустриальной экономике, в столице высока и продолжает расти доля занятых в отраслях рыночных услуг (табл. 1.4.2). Санкт-Петербург пока отстает от Москвы в «терциализации» рынка труда и структурной перестройке занятости. В первые годы экономического роста это отставание нарастало, темпы роста занятости почти во всех видах рыночных услуг были значительно ниже, чем в столице, как и доля занятых в этих услугах. «Лицо» второй столицы во многом еще индустриальное и бюджетное, для развития рыночных услуг городу остро не хватает концентрации крупного бизнеса и финансовых ресурсов.

Таблица 1.4.2. Отраслевая структура занятости в федеральных городах, %

	Москва		Санкт-Петербург	
	2002	1998	2002	1998
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0
в том числе:				
Промышленность	12,0	14,8	19,9	20,2
Строительство	14,0	14,9	11,5	11,2
Транспорт	5,6	6,5	8,0	8,0
Связь	1,6	1,4	1,1	1,1
Торговля, общественное питание	25,9	17,5	20,8	19,9
общая коммерческая деятельность	4,5	5,5	2,3	1,8
Жилищно-коммунальное хозяйство, бытовое обслуживание	4,0	4,2	5,4	6,1
Здравоохранение, физкультура, социальное обеспечение	5,6	6,0	6,5	6,8
Образование	6,8	7,2	8,6	8,8
Культура и искусство	2,0	2,0	2,2	2,1
Наука и научное обслуживание	7,0	9,4	5,1	5,7
Финансы, кредит, страхование	2,9	2,5	1,3	1,4
Управление	3,6	3,8	3,6	3,8
другие отрасли услуг	4,3	4,3	3,0	2,5
Всего сектор услуг	**73,9**	**70,2**	**67,9**	**68,0**

В регионах Европейской части страны, особенно в Центре, Поволжье и на юге, сдвиг занятости в сектор услуг идет быстрее по сравнению с другими федеральными округами, хотя отчасти все еще по кризисному сценарию: в росте доминирует торговля, растет занятость в отраслях бюджетной сферы. В республиках юга сектор услуг продолжает аккумулировать растущее трудоспособное население, но значительная часть занятых работает в теневой экономике и не учитывается статистикой. Для остальных федеральных округов характерны те же изменения, но их скорость меньше. И чем значительней роль экспортных отраслей промышленности в экономике региона, тем медленнее идет структурная трансформация сектора услуг и занятости в нем.

Занятость в малом бизнесе

В переходный период основной функцией малого бизнеса стало обеспечение альтернативной занятости для 6 млн. человек, что существенно снизило давление на рынок труда в ходе массового сокращения рабочих мест. Тем не менее, малый бизнес в регионах России остается слаборазвитым. Существуют объективные барьеры для его развития: спрос на товары и услуги малого предпринимательства зависит от доходов населения и концентрации потребителей (уровня урбанизации, наличия крупных городов и плотности населения). Но еще более важную роль играют институциональные барьеры. Среди них есть не только общие для всей страны, но и дифференцированные по регионам, поэтому число малых предприятий и уровень занятости в малом бизнесе могут служить индикаторами предпринимательского климата.

Региональные различия занятости в малом предпринимательстве обусловлены совокупностью объективных и субъективных факторов, которые стимулируют или ограничивают его развитие. Лидирующее положение занимают федеральные города с быстро растущим сектором услуг (табл. 1.4.3). В регионах с относительно развитым малым бизнесом заметно влияние объективных факторов местоположения — наличия или соседства крупнейших городов, приграничного положения, хотя на развитие влияют и субъективные факторы, например, налоговые льготы, полученные от федеральных властей (Магаданская область). Для регионов со слаборазвитым малым бизнесом более значимы институциональные ограничения — консервативный тип политического режима (ряд областей Европейской части и республики Поволжья), доминирование теневой экономики (республики Северного Кавказа). В слабозаселенных северных и восточных регионах заметную роль играют объективные ограничения — малочисленность крупных городов, низкая доходность малого бизнеса, а в ресурсно-экспортных регионах — альтернативные возможности трудоустройства в добывающих отраслях промышленности с высокой оплатой труда.

Таблица 1.4.3. Регионы с максимальной и минимальной долей населения, занятого на малых предприятиях, от среднесписочной численности занятых в отраслях экономики

Доля занятых, %	Субъекты РФ
Максимальная (26–31)	Москва, Санкт-Петербург
Повышенная (11–17)	Московская, Калужская, Рязанская, Воронежская, Ленинградская, Калининградская, Нижегородская, Самарская, Омская, Новосибирская, Томская, Сахалинская, Магаданская области, Хабаровский край
Минимальная (1–6)	а) Брянская, Костромская, Курская, Орловская, Тамбовская, Кировская, Ульяновская, Курганская обл.; Башкортостан, Татарстан, Марий Эл, Мордовия б) Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Калмыкия, Северная Осетия в) Архангельская, Мурманская, Пермская, Иркутская, Читинская области, Красноярский край, республики Коми, Бурятия, Тыва, Якутия, Еврейская АО, все автономные округа

Справочно: в среднем по РФ — 11% в 2002 г.

Вряд ли правомерно рассматривать развитие малого бизнеса как приоритетное направление для всех регионов России. Даже при снижении институциональных барьеров занятость в нем будет регионально дифференцированной по объективным причинам. С точки зрения перспектив развития малого бизнеса можно выделить три группы регионов:

— крупногородские и некоторые пограничные регионы, в которых объективные условия для роста занятости в малом бизнесе наиболее благоприятны;

— более плотно заселенные регионы Центральной России, республики Поволжья и юга, в которых, в первую очередь, нужно изменять институциональную политику местных властей и создавать условия для легализации теневой экономики;

— слабозаселенные регионы нового освоения, где развитие малого бизнеса объективно затруднено или является непривлекательной альтернативой для занятых.

Работающие пенсионеры

Еще одна особенность переходного периода — высокая занятость пенсионеров. По данным Пенсионного фонда, в России в 2003 г. работали 20,5% мужчин и 17,5% женщин пенсионного возраста. Уровень занятости пенсионеров по регионам различается более чем в семь раз. Можно выделить две зоны повышенной занятости — северную и крупногородскую. На Севере из-за более раннего выхода на пенсию многие пенсионеры сохраняют трудоспособность и желание работать. Но главная причина — невозможность прожить на

пенсию из-за высокой стоимости жизни и минимальных натуральных доходов от личного подсобного хозяйства в зоне неблагоприятного климата. В северных регионах Дальнего Востока, в автономных округах Тюменской области, Таймырском, Ненецком АО и Мурманской области доля работающих пенсионеров достигает 35–52%, в остальных северных регионах страны она превышает 25%. В крупнейших городских агломерациях высокая занятость населения старше трудоспособного возраста также отчасти вынужденная, она обусловлена низким уровнем пенсий и дороговизной жизни. В Москве и Московской области, в Санкт-Петербурге работают 26–31% пенсионеров-мужчин и 20–25% женщин.

Для пожилого населения аграрных южных регионов и слаборазвитых республик характерна традиционная стратегия адаптации «на земле» с помощью расширения личного подсобного хозяйства, а не поиска оплачиваемой работы. Контрасты между севером и югом видны внутри каждого федерального округа: доля работающих пенсионеров различается по регионам Сибирского и Уральского федеральных округов почти в 4 раза, Дальнего Востока и Северо-Запада — в 2,5–3 раза. В Центральном и Приволжском округах различия выражены слабее (в 1,5–2 раза) из-за меньших региональных контрастов климата и уровня урбанизации. В республиках Южного округа образ жизни населения слабо модернизирован, и традиционные формы адаптации выражены более явно, поэтому в Ингушетии работает только 7% пенсионеров, в урбанизированной Волгоградской области — 18%.

Сформировавшиеся региональные различия в формах адаптации очень устойчивы, однако динамика последних лет показывает повсеместный рост доли работающих пенсионеров. По данным Пенсионного фонда, только за 2002–2003 гг. доля работающих среди женщин-пенсионеров выросла с 15,5% до 17,5%, среди мужчин — с 19,2 до 20,5%. В большинстве случаев это вынужденный рост занятости. Пенсионерам приходится работать, чтобы компенсировать снижение доходов относительно других групп населения (средний размер пенсий все больше отстает от средней заработной платы) и найти средства на оплату непрерывно дорожающих услуг ЖКХ. Рост занятости пенсионеров повышает их экономическую независимость от государства, но ценой превращения в изгоев на рынке труда — пенсионеры чаще всего заняты на самых непрестижных рабочих местах в бюджетной сфере с минимальной оплатой.

Возможное увеличение границы пенсионного возраста будет наиболее болезненным для жителей крупнейших городов и Севера, поскольку выход на пенсию в более старших возрастах еще сильнее снижает их конкурентспособность на рынке труда. При этом все большей доле пенсионеров придется искать работу, если динамика роста пенсий будет по-прежнему отставать от роста стоимости жизни.

Гендерные различия занятости

Для советского периода, начиная с 1960-х годов, была характерна сверхвысокая и сопоставимая с мужской экономическая активность женщин — более 80% женщин трудоспособного возраста работали. Принято считать, что в переходный период положение женщин на рынке труда резко изменилось. Но статистика показывает, что в целом за 1992–2003 гг. экономическая активность женщин трудоспособного возраста сократилась не слишком существенно (с 81,6 до 74,6%), хотя и несколько быстрее, чем активность мужчин данного возраста (с 86,6 до 80,0%). Наибольший спад активности пришелся на первые, наиболее кризисные, годы. Начавшийся с 1999 г. рост экономической активности имел примерно равную скорость для обоих полов, гендерной дискриминации не было. Если сравнивать динамику экономической активности женщин в более широком возрастном диапазоне (15–72 лет по методологии Международной организации труда), то за 1992–2003 гг. сокращение было еще меньше — с 63,7 до 60,6%, особенно по сравнению с мужчинами данного возраста (с 77,6 до 70,9%). Женщины не только сохранили высокую экономическую активность, но существенно расширили ее возрастной диапазон за счет старших возрастов.

Территориальные различия в основном воспроизводят черты, унаследованные от советского времени, что говорит о высокой устойчивости воздействия на них базовых демографических и социальных факторов. Наибольшие различия в экономической активности женщин, как и в предыдущие десятилетия, характерны для двух типов регионов:

— республик Северного Кавказа с традиционалистскими семейными установками и более высокой рождаемостью, привязывающей женщин к дому; в Дагестане, Ингушетии, Кабардино-Балкарии уровень их экономической активности в возрасте 15–72 лет не превышает 50%;

— регионов Крайнего Севера с сохранившейся с советских времен максимальной экономической активностью женщин (более 67%), в том числе из-за более молодой возрастной структуры населения.

Гендерные различия в занятости по сравнению с советским периодом усилились незначительно, доля женщин в структуре занятого населения сократилась с 50 до 48%. В начале переходного периода женская занятость снижалась быстрее, особенно женщин старшего трудоспособного возраста, терявших работу в первую очередь. Но по мере ухудшения ситуации на рынке труда сокращение занятости полов шло примерно равными темпами. В начальный период экономического роста увеличение численности занятых также было практически равным для мужчин и женщин (на 6,5–6,7% за 1999–2001 гг.).

Мужчины преобладают среди занятых в 3/4 регионов, особенно сильный дисбаланс имеют регионы нового освоения — Европейский Север, нефтегазовые округа Тюменской области, Томская, Кемеровская области и весь Дальний Восток (44–46% женщин среди занятых). Диспропорции связаны с тяжелыми условиями труда и преобладанием «мужских» добывающих отраслей в структуре экономики. Для аграрного юга ха-

рактерна несколько пониженная доля женщин среди занятых из-за больших нагрузок в полутоварном личном подсобном хозяйстве или, как в Дагестане и Ингушетии (46–47%), избыточного предложения мужской рабочей силы и выдавливания женщин с рынка труда.

Равенством полов среди занятых отличаются давно депопулирующие области Центра и Северо-Запада, их возрастная структура более старая, с высокой долей женщин старших трудоспособных возрастов, в том числе и среди занятых. Заметный дисбаланс в пользу женщин (52% занятых) имеют только самые слаборазвитые регионы (республика Тыва, Агинский Бурятский и Коми-Пермяцкий АО) со специфическими гендерными ролями: в связи с распространенностью асоциальных явлений и высокой мужской безработицей женщины становятся лидерами на низкоконкурентном рынке труда и основными «кормильцами» семей. Гендерная специфика в сфере занятости выражена в этих регионах более явно из-за преобладания титульного населения, но те же процессы характерны и для титульного населения республики Алтай. Особенно явная феминизация занятости по тем же причинам сложилась в районах проживания коренных малочисленных народов Севера: доля женщин среди занятых достигает 57%, а в неаграрных отраслях (в основном это бюджетная сфера) — 68%. Не только в слаборазвитых республиках и автономных округах, но и в сельской местности Нечерноземья женщина все чаще становится фактическим главой семьи, заменяя деградирующих мужчин. Такой пример социального равенства полов трудно назвать позитивным.

Стереотипные представления о «женском лице безработицы», основанные на статистике зарегистрированной безработицы, весьма далеки от реальной ситуации. Обследования Госкомстата РФ по методологии МОТ (в них учитываются не только зарегистрированные, но и незарегистрированные фактические безработные) показали, что доля женщин среди безработных меньше половины (45–48% в 1992–2003 гг.) и близка к их доле в экономически активном населении. Преобладание женщин среди зарегистрированных безработных (63–72%) объясняется тем, что женщинам труднее использовать активные стратегии поиска работы, они чаще обращаются за помощью в государственные органы занятости, чтобы получить содействие в трудоустройстве или мизерные пособия по безработице. Ситуация с женской зарегистрированной безработицей меняется в зависимости от состояния региональных рынков труда: в регионах с низкой безработицей доля женщин среди зарегистрированных безработных может превышать 70–80%, а при ухудшении экономической ситуации в регионе и возрастании напряженности на рынке труда доля женщин среди зарегистрированных безработных снижается.

Данные по общей безработице (по методологии МОТ) за 2000–2003 гг. показывают, что в 60–80% регионов мужская безработица была выше женской, поскольку женщины при поиске работы менее требовательны к характеру труда и уровню его оплаты, чаще готовы к снижению социально-профессионального статуса. Гендерные различия безработицы в регионах не всегда имеют очевидное объяснение, т.к. на них влияет множество разных факторов. Тем не менее можно выделить несколько типов регионов, в которых уровень женской безработицы в 2002–2003 гг. был равен или выше, чем мужской.

- Наиболее благополучные субъекты РФ с минимальной безработицей (федеральные города, Московская, Самарская области). В них срабатывает тот же механизм, что и в зарегистрированной безработице: при лучшей ситуации на рынке труда конкурентоспособность женщин ниже, особенно не имеющих профессионального образования и немолодых.
- Крупнейшие аграрные регионы российского юга с лучшими климатическими условиями (Краснодарский и Алтайский края, Ростовская область, большинство республик Северного Кавказа). При достаточно напряженной ситуации на рынке труда и высокой конкуренции за рабочие места женщины выбирают стратегию выживания за счет полутоварного личного подсобного хозяйства, но не теряют надежды найти оплачиваемую работу и не переходят в категорию экономически неактивных.
- Часть северных и восточных регионов с ресурсно-экспортной экономикой, преимущественно мужской занятостью и дефицитом «женских» рабочих мест. Однако влияние отраслевой структуры экономики на гендерные показатели безработицы заметно не во всех ресурсодобывающих регионах.

Региональный анализ показывает, что в уровне занятости гендерное неравенство минимально, но за этим скрывается горизонтальная (по отраслям) и вертикальная (по статусу) сегрегация женщин, результатом которой стали значительные гендерные диспропорции в оплате труда (см. следующий раздел).

Условия труда

В переходный период основой российской экономики стали сырьевые отрасли промышленности и экологически грязные отрасли первого передела (металлургия, химия). При такой структуре экономики невозможно решить одну из наиболее острых проблем — очень высокую занятость во вредных условиях труда. В целом по стране в таких условиях работает четверть занятых в промышленности (29% мужчин и 16% женщин). Региональные различия определяются специализацией экономики: во всех ресурсодобывающих регионах Европейского Севера, Сибири и Дальнего Востока, в металлургических регионах (Липецкой, Челябинской, Свердловской, Оренбургской, Кемеровской областях, Красноярском крае) во вредных условиях работают от трети до половины мужчин, занятых в промышленности.

Повышенная занятость женщин во вредных условиях труда остается проблемой не только тех же ресурсодобывающих регионов (20–28% занятых), но и Ивановской области (34% занятых в промышленности). Это единственный регион России, где женщин среди работающих во вредных условиях труда больше, чем

мужчин. Несмотря на значительный спад в текстильной промышленности, эта отрасль с преобладанием женской занятости остается ведущей в экономике области, но условия труда в ней не улучшаются из-за недостатка инвестиций в модернизацию производства.

В подавляющем большинстве промышленных регионов с высокой долей занятых во вредных производствах этот показатель вырос за 2001–2003 гг., особенно для мужчин (с 27% до 29% в среднем по РФ). К сожалению, экономический рост в стране сопровождается ухудшением условий труда занятых в базовых отраслях промышленности, это еще одно подтверждение низкого качества роста, основанного на увеличении добычи и экспорта минеральных ресурсов и продукции первого передела.

Безработица

Хотя экономический спад первой половины 1990-х годов был почти двукратным, российский рынок труда не отреагировал на него сопоставимым сокращением занятости. Большинство предприятий сохраняло избыточную занятость, отправляя работников в неоплачиваемые отпуска, используя механизмы длительных задержек выплат заработной платы, обесцениваемой инфляцией. Рынок труда стал более адекватно реагировать на экономические изменения только в конце 1990-х годов, и в год финансового кризиса уровень безработицы вырос до максимума — 13,2%. Позитивные изменения первых лет экономического роста были значительными, уровень безработицы снизился на треть, до 8,1% экономически активного населения в 2002 г. Однако в 2003 г., несмотря на продолжающийся экономический рост, безработица выросла до 8,6%. Инверсия объясняется многими причинами. В промышленности замедлили темпы роста трудоемкие импортозамещающие отрасли. Быстро растущие экспортные сырьевые отрасли не нуждаются в большом количестве работников, к тому же в них началась борьба за снижение издержек, следствием которой стала оптимизация занятости. В сельском хозяйстве также ускорилось высвобождение рабочей силы, часть сельхозпредприятий перестала существовать или была скуплена бизнесом, который в зерновых районах избавлялся от трудоемкого, но убыточного животноводства. И хотя сектор услуг продолжал аккумулировать высвобождающихся работников, безработица вновь стала расти. Это подтверждают и показатели общей безработицы (по методологии МОТ), которые более полно учитывают все виды незанятости, и показатели зарегистрированной безработицы.

Региональные различия *общей безработицы* зависят от совокупности экономических (уровень развития и структура экономики), географических (агломерационный эффект или удорожающие факторы удаленности, слабой освоенности территории) и демографических факторов. Максимальный уровень имеют слаборазвитые республики с растущим населением: в Ингушетии безработица в 2003 г. достигала 53% экономически активного населения, а в Дагестане, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Калмыкии, Тыве и Бурятии — 17–22% (рис. IX вкладки). Повышенный уровень безработицы (10–15%) имеют края и области аграрного Южного федерального округа, ресурсодобывающие регионы Европейского Севера, большинство регионов Сибири и север Дальнего Востока (Магаданская, Камчатская области). Самая низкая безработица — в крупнейших городских агломерациях с наиболее динамично развивающимся рынком труда: федеральных городах, Московской и Самарской областях (1–4%). Почти в половине регионов России уровень безработицы различается несущественно (6–9%), что в основном отражает реальное положение, но отчасти связано с недостаточной выборкой региональных обследований Росстата.

Региональная динамика общей безработицы совпадает с общероссийским трендом, наиболее высокие показатели во всех регионах отмечались в 1998–1999 гг., при этом в кризисный период различия между регионами несколько уменьшились. С улучшением состояния рынка труда межрегиональные различия выросли, т. к. в наиболее проблемных регионах ситуация улучшалась медленней, чем в экономически сильных (рис. 1.4.3). В 1998 г., когда безработица была максимальной, десять регионов с лучшими и худшими показателями различались в 2,9 раза, а в наиболее благополучном 2002 г. — в 4,4 раза.

Сравнение гистограммы распределения регионов по уровню безработицы за ряд лет показывает, что потребовались три года экономического роста, чтобы распределение вернулось к положению 1995 г. После этого, несмотря на дальнейший рост экономики, оно почти не менялось (рис. 1.4.4). Как известно, в середине 1990-х гг. государственной политики в сфере занятости практически не было, следовательно, показатели безработицы после экономического шока, вызванного дефолтом, вернулись на круги своя. Все это говорит о том, что позитивное воздействие экономического роста не подкреплялось политикой снижения региональных диспропорций на рынке труда, поэтому дальнейшего сокращения безработицы в регионах не последовало. Кроме того, стагнация региональных рынков труда обусловлена характером экономического роста последних лет — в основном за счет нетрудоемких экспортных отраслей. В результате диспропорции остались прежними и даже усилились. Для выравнивания региональных различий недостаточно перераспределения бюджетных ресурсов, требуется кардинальное улучшение условий для экономического роста в проблемных регионах.

Показатели зарегистрированной безработицы менее пригодны для оценки состояния региональных рынков труда, особенно в последние годы. В середине 1990-х годов с их помощью можно было выделить депрессивные промышленные регионы Европейской части России (Ивановская, Владимирская, Псковская области и др.), а также проблемные северные и восточные регионы с максимальной напряженностью на рынке труда из-за закрытия добывающих предприятий. К концу 1990-х годов по разным причинам (адаптация на-

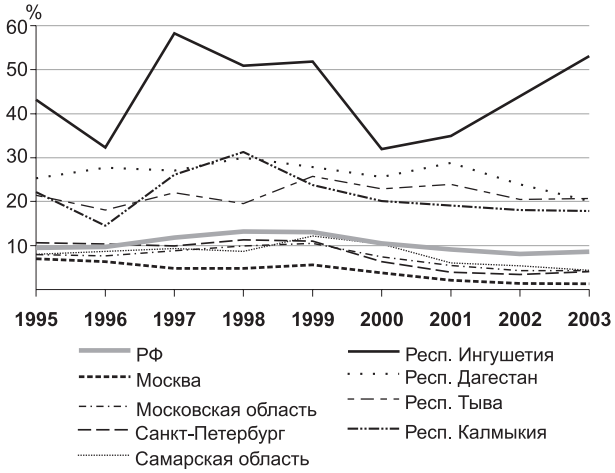

Рис. 1.4.3. Динамика общей безработицы в регионах с полярными значениями показателя (1992–2003 гг.)

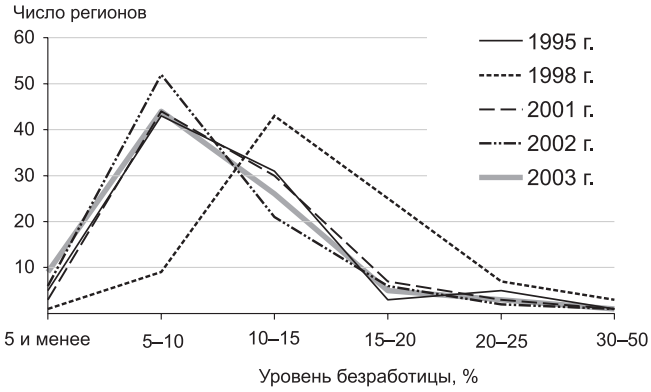

Рис. 1.4.4. Распределение регионов по уровню общей безработицы

селения и развитие альтернативных форм занятости, крайне низкие размеры пособий и нерегулярность выплат и др.) региональные показатели зарегистрированной безработицы стали больше зависеть от наличия средств на выплату пособий.

Но некоторые тенденции все же можно выделить. Во-первых, зарегистрированная безработица начала расти раньше, уже с 2001 г. В 2003 г. она составила 2,3% в среднем по стране, увеличившись на 2/3 по сравнению с 2000 г. Во-вторых, круг регионов с максимальными показателями расширился — это Ингушетия (17%), Тыва и Корякский АО (11%), Дагестан, Кабардино-Балкария, Таймырский и Агинский Бурятский АО (6–9%), а сами показатели заметно выросли. Слабо изменились показатели зарегистрированной безработицы там, где они были низкими с конца 1990-х годов — в Центральной России и Поволжье. В восточных районах России положение хуже, сохраняются и проблемные зоны на Европейском Севере, в республиках Северного Кавказа. Показатели зарегистрированной безработицы подтверждают общую тенденцию: республики юга наряду с северо-восточными регионами имеют наиболее сложную ситуацию на рынке труда, при этом их отставание не сокращается.